

Вяч. Иванов — М. Буберу

Павия, 20 февраля 1927

Многоуважаемый господин доктор!

Позвольте мне высказать Вам мою глубочайшую благодарность за первые два тома Вашего перевода Библии. Я не могу выразить, насколько мил и дорог мне этот драгоценный дар, и какую поэтическую радость я испытываю, читая и перечитывая Ваш выдающийся труд. У меня такое ощущение, будто я знакомлюсь со священной древней Книгой впервые. Какое чудо сотворили Вы со своим родным языком, чтобы так уподобить его оригиналу?! Я не знаю древнееврейского языка, но у меня есть некая интуиция касательно его внутренней структуры, его душевного строя, его ритма: теперь, читая Ваш шедевр, я словно духом переносюсь в этот дивный новый мир, дышу его свежим воздухом. И как все это прозрачно! Без какого бы то ни было напряжения критической мысли, без каких-либо усилий, благодаря одним лишь тонким стилистическим и ритмическим переходам, полностью проясняется взаимосвязь всех его разнообразных составных частей: тут — седая летопись, тут — древнее законоуложение, тут — героическое сказание, здесь — замкнутая в себе идиллическая поэзия, тут — песнь... И то, что нам кажется выраженным странно и темно, является в тем более значительном, осмысленном и тем самым в определенном смысле более понятном облике, нежели в рационализирующем и упрощающем пересказе.

Одним словом, я восхищен, хотя еще не в состоянии проанализировать мои впечатления более точно. Для меня было бы огромной радостью познакомиться с Вами лично, и я заранее сердечно благодарен Вам за Ваше, столь любезное, намерение посетить меня в Павии. Ректор колледжо, любезный и тонкообразованный падре Рибольди [1], приглашает Вас с супругой. Мы обедаем в половине первого и ужинаем после семи. В пять подается чай. Если Вы приедете из Милана утром, то в нашем распоряжении будет целый день; сообщите мне, пожалуйста, о времени Вашего прибытия заранее. Очень Вам благодарен

также за пересылку номеров Вашего журнала. Я думаю переработать для *Kreatur* одно из своих эссе по эстетике, а именно — „О границах искусства. Соответствующий том моих работ я недавно выслал профессору Бубнову, чтобы он и, через его посредничество, редакция получили о нем представление. Речь в эссе идет о проблеме поэтической интуиции и процессе поэтического творчества. Я вспомнил об этих своих размышлениях и наблюдениях в связи с недавно изданными книгами Бремона о сущности поэзии и ее связи с мистикой: этот вопрос сейчас усиленно обсуждается во Франции. [2]

С наилучшими пожеланиями

Сердечно преданный Вам

Что именно имели Вы в виду, при Вашей дальновидности? Вероятно, Вы с свое время читали один мой фельетон о славянофилах; если так, Вы знаете, что я прямо противоположную оценку даю государственно-правовой теории Хомякова. Прибавлю, что вижу в ней пророчественное предостережение старой власти, провозглашение альтернативы: или трансцендентизм по отношению к народу и неминуемую гибель, или последовательно проведенный имманентизм, как воспитание к свободе. И вот, наша несчастная родина почти гибнет от того, что пророки втуне пророчествовали. Что же значит из Ваших уст столь несвоевременно, по всем человеческим видимостям, брошенный укор — тем, которые вовремя выступали с наставлением спасительным?..

Вы понимаете, что Вашу статью о Хомякове я прочел с жадностью, но уже без огорчения первоначального, а лишь с глубочайшим недоумением. Прибавлю, что выходка Бердяева привела меня, — при всем моем протесте против сказанного Вами, — в истинное негодование. С нетерпением жду свидания. *Tempora mutantur*: может быть, теперь Вы могли бы почувствовать себя расположенным написать комментарий к моему «Человеку». Имею нескромность высказать, что я еще не вовсе расстался с этой мечтой. Без Вас не знаю, что мне делать с уснувшей царевной — моей бедной поэмой. С любовью к Вам и Вашим

Вяч. Иванов

